

Русские в Германии

Часть 1.

Беседа с протоиереем Николаем Артемовым, ключарем мюнхенского кафедрального собора в честь новомучеников и исповедников Российских (Русская Зарубежная Церковь).

– Отец Николай, Вы – секретарь Германской епархии Русской Зарубежной Церкви и ключарь нового кафедрального собора в честь святых новомучеников и исповедников Российских в Мюнхене. Вы хорошо знаете русское зарубежье. Расскажите, пожалуйста, о корнях русского Православия в Германии, о строительстве там храмов.

– В Германии русское Православие присутствует около 300 лет. При Петре I в 1718 году была открыта часовня в Берлине, просуществовавшая до 1837 года. Потом этот посольский храм был перенесен в новое здание посольства России по адресу Unter den Linden, 7. При этом храме окормлялось около пяти тысяч православных, не только русских, но и сербов, болгар греков, румын... Также существовали часовни, связанные с политическими взаимоотношениями России и Германии. Их больше нет. Ныне существующие храмы восходят к XIX и XX веку. Таким образом, на территории Германской епархии есть храмы, построенные еще в царское время, есть храмы, построенные в 60-е и 90-е годы XX века в Мюнхене, Гамбурге, Франкфурте, Кёльне, но, кроме того, есть еще так называемые богослужебные точки – обустроенные для наших богослужений места.

Например, одно такое место – оставшийся в г. Амберге со времен Второй мировой войны барак, который я упомянул

в недавней статье-реплике «Понять это со стороны оказалось невмочь», или иные помещения, даже немецкие храмы, которые нам, однако, не принадлежат. В них нам предоставлена возможность совершать богослужения. Но приходы обычно пребывают там долгие годы, десятилетия... С годами эти места становятся родными, но тем неприятнее, что они не наши собственные. Таким образом, история Германской епархии не краткая, она объемлет царское, дореволюционное время, затем первую, вторую и третью эмиграцию и сейчас открываются новые приходы в разных городах. Это следствие новой волны – в основном, переселенцев.

Православное храмостроительство в Германии началось со Свято-Александровского храма в Потсдаме (1829), где была колония русских военных «Александровка». Там еще стоят избы и до сих пор даже живут какие-то потомки русских солдат царского времени.

Величественный храм стоит на месте погребения великой княгини Елизаветы, племянницы государей Николая I и Александра I, супруги Нассауского принца Адольфа, скончавшейся в возрасте 19 лет при родах. Этот храм возводился в 1845–1855 годы общими усилиями принца Адольфа, отдавшего на нужды строительства приданое супруги, и государя Николая I. Храм высится над городом на поросшем лесом холме Нероберг. Есть при нем и русское кладбище. Затем построен был и дом. Этот храм по стилю напоминает чем-то храм Христа Спасителя, так как немецкий архитектор, строивший этот храм, сознательно ориентировался на чертежи Тона. Для нас в коммунистические времена это было своеобразным знаменем и живым напоминанием о храме Христа Спасителя до самого его восстановления.

Этот первый большой храм был, как вы поняли, построен в силу династических связей, равно как ранее и усыпальница (ужасного вида!) для великой княгини Екатерины под Штутгартом на Ротенберге и позже церковка-усыпальница (очень симпатичная!) в Веймаре, построенная для великой

княжны Марии Павловны в 1860–1862 годах на кладбище, где похоронены Шиллер и Гёте. Династические связи лежат и в основе постройки храма в г. Дармштадте, о котором скажу позже.

Причина для постройки в Германии целого ряда других храмов дореволюционного периода иная. Известно, что со второй половины XIX века именно в Германию ездила отдыхать и лечиться на водах не только русская аристократия, но и другие представители русского общества, в том числе и известные писатели. В Баден-Бадене, например, бывали как Достоевский, так и Тургенев, в Бад-Эмсе Достоевский работал над «Братьями Карамазовыми», Бад-Гомбург и опять же Висбаден упоминаются в его повести «Игрок». Все эти «Бады» и «-бадены» славились лечебными водами. Их пили, в них купались (принимали ванны), а для дыхания в среде распыленной воды до сего дня сохранились специальные строения – «салины» (на огромной деревянной раме прикреплены миллионы сучков, по которым капает вода, а внутри – коридоры для прогулок).

Такие курорты, как Мариенбад (Марианске Лазне) и Карлсбад (Карловы Вары), и в советский период пользовались популярностью у русских, поскольку они находились на территории современной Чехии. На обоих курортах стоит по одному красивому православному храму. Подобные храмы имеются и в Германской епархии – в Бад-Эмсе (1876), Баден-Бадене (1882), Бад-Гомбурге (1899), Бад-Киссингене (1901), Бад-Наухайме и Бад-Брюкенау (1908). Вылечивались, конечно, не все, так что в Бад-Киссингене, например, есть крипта для гробов, отправлявшихся домой, в Россию.

Следует упомянуть также храм-памятник в Лейпциге (1913), построенный в память о битве народов, храм на русском кладбище в Берлин-Тегеле (1893), храмы в Дрездене (1874) и Штутгарте (1895). Конечно, у каждого своя история, все это насыщено историей.

Храм в Дармштадте был построен в память венчания царя-мученика Николая и царицы-мученицы Александры, которая была родом из этого города. Заложен храм был в 1897 году, а освящен в 1899-м. Оба торжества совершались в присутствии высочайших особ. Царская семья также присутствовала вместе с великим князем Сергеем Александровичем и его супругой, преподобномученицей Елисаветой, на венчании в дармштадтском храме греческого принца Андрея и принцессы Алисы фон Баттенберг в 1903 году. Там присутствовало множество членов европейских королевских фамилий.

Вообще-то православные приходы были до первой эмиграции малочисленны, но в Германии бывали выдающиеся священнослужители. Три имени из них следует назвать. Это протоиерей Иоанн Базаров (1819–1895), оставивший интереснейшие воспоминания о своей деятельности в Германии (мы их публиковали в «Вестнике Германской епархии»), известнейший протоиерей Иоанн Янышев (1826–1910), впоследствии духовник царской семьи, и, наконец, протоиерей Алексей Мальцев (1854–1916). Последний перевел на немецкий язык практически весь круг богослужений и Требник. В его толстых томиках текст расположен столбиками параллельно: церковно-славянский – немецкий. К сожалению, тот язык устарел и поэтому требуются новые переводы... Кроме того, отец Алексей очень активно добивался основания новых храмов и с этой целью создал Свято-Владимирское братство. Два таких храма (в Бад-Наухайме и Бад-Киссингене) братство опекает по сей день.

– Отец Николай, расскажите, пожалуйста, об основных этапах формирования православных общин из тех потоков русской эмиграции, которые попали в Европу после революции, затем, Второй мировой войны.

Вот эти храмы, собственно, и использовались после революции для духовного окормления эмиграции. Конечно, храмы в провинции, куда не забрасывало столько людей, были меньше востребованы. Совсем иное дело – Берлин. В

1920-е годы в Берлине выходили ежедневные русские газеты. Это, должно быть, напоминало сегодняшнюю ситуацию там же, поскольку сейчас существуют на русском языке даже телевизионные программы, радиoprogramмы, ну и, как в ряде других городов, журналы, газеты, магазины и так далее. Но характер самой эмиграции был другой.

До 1922 года в Берлине находилось управление Западно-Европейской епархии, главой которой был митрополит Евлогий (Георгиевский). Он перебрался в Париж, когда немцы признали СССР и отдали бывшее большевикам посольство. Посольская церковь была тотчас закрыта. Богослужения совершались на кладбище в Берлин-Тегеле и в Потсдаме в царских храмах. Потом в Берлине приобрели большой дом, в котором на верхнем этаже обустроили храм, а на крыше устроили купола-луковки. Но после «черной пятницы» дом был продан «с молотка», так как община не могла выплачивать ипотеку.

Во второй половине 1930-х годов, при архиепископе Тихоне (Лященко), был построен кафедральный собор. Этот и другие храмы в Восточной Германии, находившиеся в «советской зоне», управляются с конца Второй мировой войны Московской Патриархией.

Первая эмиграция в какой-то мере пользовалась всеми этими храмами в Германии, но трудность заключалась, да и до сих пор заключается в том, что упомянутые курортные города, в которых стоят прекрасные храмы царского времени, расположены не всегда близко от тех центров, в которых можно жить и работать.

– Не существует ли какой-нибудь хотя бы приблизительной цифры, сколько было русских в 1920-х годах в Германии?

– Историки спорят, конечно, но считают, что та эмиграция насчитывала от полутора до двух миллионов человек. Иногда говорят и о трех миллионах...

– Только в Германии?

– Нет, в целом. Но поскольку я специально этим вопросом не занимался, я в цифрах не уверен. Думаю, что в расчеты входят именно *покинувшие* Россию. Но церковная эмиграция, или «церковное зарубежье», было, пожалуй, больше. Многие оказались за границей совершенно неожиданно для себя, вследствие изменения границ. Судьба православных, оказавшихся в новой Польше, и тех, кто был в Прибалтике, Финляндии или Маньчжурии, сильно отличалась. Но церковно эти разные потоки взаимодействовали. И это взаимодействие лежит в основе Русской Зарубежной Церкви как целого.

Считается, что в Германии, вследствие русской революции, к 1921 году оказалось пятьдесят–восемьдесят тысяч эмигрантов. А уже в 1922 году количество беженцев перевалило за полмиллиона. Но послевоенная Германия не могла интегрировать такое число людей. Многие из них «рассосались» по Европе. В частности, перебравшись во Францию. Так что к 1928 году статистика говорит о ста пятидесяти тысячах. А в интереснейшей книге А. Никитина («Нацистский режим и русская православная община в Германии», Москва, 1998) речь о том, что гестапо в 1935 году причисляло к русской эмиграции около восьмидесяти тысяч человек. Официальная статистика шестую часть из них считала православными – тринадцать тысяч. Вот такие цифры известны.

Впрочем, надо сказать, что некоторое число из тех, кто переехал во Францию, в 1940 году оказалось в Германии как «рабсила». Французские мэры предпочитали, когда немцы требовали выделять рабочие руки, в первую очередь сдавать этих «чужих». Так что обездоленные революцией русские люди, прожившие во Франции полтора десятилетия, вновь оказывались в военной Германии, но уже против воли... Ониполнили число оказавшихся на территории Германии в конце войны.

Статистически никакой роли, конечно, не играл некий промежуточный феномен – не первая и не вторая эмиграция, а как бы «полуторная». Эмиграцию дополнили в 1930-е годы некие такие «капельки». Пусть это были особые случаи, но все же они не совсем единичные. Быть может, Сталин допускал выезд за желанную валюту, но не знаю, насколько это было связано с первой пятилеткой, зато точно связано с историей моей семьи.

Так, моя мать прибыла в Берлин из России в 1933 году. Мой дед, Н. Ф. Редлих, сидел в лагере в районе Кеми (СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения). Но моей бабушке, Е. Р. Прове, тогда удалось – с помощью Е. Пешковой, жены М. Горького, и Красного Креста – связаться с родителями, которые относились к первой эмиграции и уже в 1920 году жили в Берлине. Хотя фамилии со стороны моей матери, как видите, не русские, но это были в значительной степени обрусевшие семьи. Когда у моего дедушки срок кончился, семье Редлихов удалось за огромную по тем временам сумму, выплаченную родней из заграницы, выехать. Выехали двое родителей и семеро детей! Кроме моей бабушки, все в семье были православными. Так появились в Берлине парни и девушки из Советской России, когда «граница была на замке».

Тогда же мой дед, увидевший из окна марширующих и поющих ээсовцев, сказал моей маме: «Ася, мне кажется, что попали мы из огня да в полымя!» В 1933 году маме было 16 лет. В Берлине она доучилась. Она знала архимандрита Иоанна (Шаховского). Старший брат Роман окончил Берлинский университет по философии, а на старости лет, когда это стало возможным, то есть в 1990-е годы, несколько лет преподавал в Москве, радуясь общению с новым поколением.

В Берлине Редлихи познакомились и с другим пастырем, ныне известным в России, с отцом Александром Киселевым, приехавшим из Эстонии. В конце 30-х годов стали прибывать, откликаясь на лозунг «Домой в райх!», многие

немцы из Восточной Европы. Среди них в определенный исторический момент оказались опять же русские люди, имевшие немецких предков, например жившие в Прибалтике и затем уходившие от советского режима. Отец Александр – живой пример того, что приезжали с этим потоком и люди вовсе не бывшие немцами. Немец, пропустивший отца Александра и матушку его на пароход, дал пропуск со словами: «Все мы от Адама!»

Наконец, в 1941–1942 годах Берлин и вся Германия уже были запружены русскими людьми, либо православными с детства, либо теперь открывавшими себе Православие в военной обстановке, ведь тогда после беспамятства оживала историческая Русь. В это время и мой отец оказался в Германии.

Это было страшное время. Есть данные, что в первый год войны немцы, не готовые к принятию такого количества военнопленных, загубили три с половиной миллиона русских военнопленных, живших в ужасающих условиях, в ямах-землянках... Там свирепствовали тиф, голод, были случаи людоедства. Нижегородский историк А. Корнилов недавно опубликовал воспоминания одного из переживших это время (*С. Г. Кулиш. Пропавшие без вести: Повесть о пленных. Нижний Новгород, 2003*). То же самое мне рассказывал мой отец. Советское правительство, как известно, предало этих людей, оставило их на произвол судьбы, не допустив, чтобы они имели статус военнопленных, лишило их поддержки Красного Креста. Те, кто выжили, оказались в Германии.

И еще огромный поток: немцы из России вывозили «рабсилу», так называемых «остарбайтеров» (восточных рабочих), или короче «остовцев» (по надписи «Ost» на рукаве). Например, окружался какой-нибудь базар военными, брали тех, кто покрепче, сажали в грузовики... Но не всегда за приобретением «рабочих» стояло насилие. Некоторые «остовцы» ехали на работы и добровольно, предполагая какие-то перспективы.

Вообще, мне кажется, тема первых двух-трех лет войны на запад от фронта требует самой углубленной исторической проработки. Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы Россия осознала, что этот путь русских людей, да и вообще Вторая мировая война выглядят несколько иначе, чем принято сейчас на это смотреть. Взгляд нуждается в серьезной корректировке на основе исторического материала, который еще надо добывать, чтобы представить картину во всей полноте. Может быть, еще не пришло время для этого. Даже не знаю, станет ли это возможным в скором будущем. Но очень надеюсь увидеть это. Если мы хотим осмыслить судьбу русских людей в том мировом катаклизме, восстановление церковной жизни и многое-многое другое, одним словом, воспринять объемную, не одностороннюю правду о судьбе России, то необходимо все это рассмотреть реально.

По моим данным, в конце войны в Германии было около пяти миллионов граждан СССР, которые по ялтинским договоренностям подлежали «возвращению на родину». Эти насильственные репатриации, проводимые союзниками в Германии и Австрии, нередко сопровождались кровопролитием. Все это опять особая историческая тема. По Ялтинскому договору, все проживавшие на советской территории к 1939 году должны были возвращаться в СССР, хотели они этого или нет. Американские и английские политики тогда заняли такую удобную позицию: если кто-то возвращаться на свою родину не хочет – значит, он военный преступник или предатель. На самом деле, конечно, это были простые русские люди, оказавшиеся между двумя тоталитарными богоборческими режимами. Ну, а Сталин, естественно, считал тех, кто побывал на Западе, если не готовыми, то потенциальными «врагами народа», предателями. Таковым не было пощады.

Так образовался второй поток эмиграции – людей, которым после войны удалось избежать возвращения. Те, кто возвращался (насильно ли, добровольно ли), оказывались в России людьми второго сорта, если вообще выжили. Многие были сразу уничтожены, другие постепенно погибали в

лагерях. Современные историки говорят, что вернулось более трех с половиной миллионов.

Русская Зарубежная Церковь первой эмиграции вобрала в себя весь этот человеческий и церковный опыт встречи со второй эмиграцией, с новой подсоветской Россией, как огромный подъем веры в русском народе. Зарубежная Церковь не просто приобщилась к нему. Она в значительной степени потом стала состоять из этих новых людей, избежавших насильственной репатриации.

Во время войны Германская епархия старалась – как видно, в частности, по епархиальному съезду 1942 года – всеми силами окормлять военнопленных, даже в лагерях, и «остовцев». Российский историк М. В. Шкаровский работал в германских архивах и многое описывает в своей книге (Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002). Нацисты препятствовали такому окормлению, но каждый, кто жил при тоталитарном режиме, знает, что официально невозможные вещи могут быть неофициально возможны. (Здесь надо делать такое же различие между нацистами и немцами, как между коммунистами и русскими).

Отец Александр Киселев в 1990-х годах опубликовал воспоминания об одном таком случае в какой-то русской газете. То же самое он мне рассказывал и лично. Ему удалось проникнуть в лагерь под Нюрнбергом, начальник которого подобной деятельности благоволил. Потом этот начальник пострадал за то, что в лагере устроили богослужение, на которое пришло 500 человек, из которых многие причащались! Конечно, трудились священники тогда, не покладая рук.

А что творилось на каждую Пасху в Берлине! Вообще, «остовцам», восточным рабочим, было запрещено приходить в наши храмы. Но они посещали богослужения, действуя через подкуп или проползая под колючей проволокой. Русские парни и девушки пешком со всех окрестностей Берлина стекались к храму на пасхальную ночь – это были

толпы, которые немислимо было остановить. Но ведь они посещали и другие службы. Нацисты были против этого. Они вызвали митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ладе) и сказали, что эти православные храмы предназначены для русских эмигрантов и потребовали, чтобы неподходящих людей туда не пускали. Ему сказали, что он должен поставить людей, которые проверяли бы документы.

Владыка Серафим был спокойным человеком (он был немец-саксонец, принявший Православие по убеждению, учился в Санкт-Петербургской семинарии, по кончине жены принял монашество). Выслушав упреки и требования нацистов, он сказал примерно так: «Я понимаю ваши заботы, это – государственные соображения. Но пастырь обязан звать в церковь и не может отгонять от нее. У государства свои цели и свои средства. Существует полиция. Если вы считаете, что надо людям препятствовать приходить в церковь, двери которой, я, как пастырь, должен держать открытыми, то вы можете поставить у входа полицейских, пусть они и проверяют документы». Полицейских так и не поставили. И верующий народ продолжал ходить в храмы.

М. В. Шкаровский описывает, каковы были устремления нашей епархии. Но они часто тормозились нацистами. Тем не менее, печатались книги: Требники, Евангелия, Молитвословы – огромными тиражами; штамповали крестики для раздачи и рассылки, ведь тогда и люди массово принимали крещение.

Так происходило слияние двух эмиграций: русские люди, лишённые Бога в СССР, возвращались к вере.

– Вы рассказываете о том, что происходило во время войны?

– Да, именно во время войны был этот духовный подъем. Причем интересно, что митрополит Серафим в самом начале войны заметил, сохранилось такое его письмо: «Я готов

закрывать здесь церкви, чтобы всех своих священников, которые хотят и могут, отправить в Россию, потому что там надо сейчас трудиться, там они нужны». Синод поддерживал такой подход, и действительно в нашем синодальном архиве имеются списки священников, готовых ехать на Восток, в Россию, подавших об этом прошение. Но дело обернулось совершенно иначе: в самой Германии оказалось огромное число нуждающихся в духовном окормлении.

Вместе с тем, в России народ стал, как только пришли немцы, открывать церкви. Нацисты запрещали немецким военным поддерживать религиозное возрождение в России, а русским эмигрантам ехать в оккупированные области. Эти запреты наши люди нередко обходили, и многие немцы благоволили открытию храмов. Тысячи храмов были открыты таким образом в кратчайший срок, об этом есть документы, свидетельствуемые самой советской властью. Совет по делам РПЦ, например, отчитываясь в 1949 году, отмечал: «Немецкие оккупанты, широко поощряя открытие церквей (было открыто за время войны 10 000 церквей), предоставляли религиозным общинам... клубы, школы, детские дома, а также переоборудованные до войны для культурных целей бывшие церковные здания» (цитата дословная, включая скобки).

Когда советская власть вернулась, она стала эти церкви закрывать. Между прочим, из подобного отчета явствует, что из 101 монастыря (на 1945 год) 16 было ликвидировано уже к 1947 году...

Конечно, часть церковно активных в России людей попали потом разными путями во второй половине войны в Германию, но большинство – это были те, кто постепенно приходили к вере уже на чужбине. Это были люди, жаждавшие веры в Бога. Вот это была паства, с которой надо было работать во время войны, и этот труд пастырей продолжался после войны. Тогда в Германию прибыли епископы и священники из Белоруссии и Украины. Это были не автокефалисты, те организовались отдельно, а священники так

называемой Украинской автономной Церкви, отвергавшие сепаратизм.

По необходимости епископы и священники первой эмиграции писали подложные метрики для людей, оказавшихся в опасности ввиду репатриационных комиссий и пропагандистов, рассказывавших, что НКВД распустили, что «Родина простила» и прочие байки. Метрики нужны были, чтобы показать, что человек, якобы, был старым эмигрантом, родился или в Югославии, или в Манчжурии, или в Польше, но главное – никогда не жил на советской территории. Владыка, а тогда архимандрит, Нафанаил (Львов) целый лагерь спас: переписали за одну ночь всех на поляков – и их не смогли забрать. Много в этом отношении сделал другой архиерей из старых эмигрантов, тоже тогда еще архимандрит – владыка Виталий (Устинов). Были люди спасшиеся этим путем (среди них мой отец, получивший метрику Харбинской церкви), но много было и других, прятавшихся где угодно: в лесах, горах, на каких-то чердаках, у немецких крестьян... Так или иначе, это время кончилось, вылавливать перестали, и продолжалась жизнь.

В Мюнхене после войны было 14 приходов, в основном барачных, в лагерях. Там были собраны, как они тогда назывались, ди-пи (DP – displaced persons) – «перемещенные лица». Они вскоре попали под защиту организации для беженцев УНРРА. Для них, тоже с помощью Церкви, организовывался переезд: в Аргентину (она выразила готовность принять, кажется, триста тысяч), Канаду, Австралию, США. В Германии же оставались те, кто или не захотел уезжать, считая, что надо быть ближе к России, или те, кто проработал два-три года в бельгийских углевых коях и заработал себе легочные болезни, или состоящие в браке с немцами или немками – таких тоже было достаточно. Это и была послевоенная паства Германской епархии.

В Амберге до сих пор стоит под защитой охраны памятников барак военного времени. Он нам не принадлежит, как я говорил, но мы там служим. Или каменный барак в лагере,

в Эрлангене, это Северная Бавария, где я начинал свое служение.

– Скажите, как вы росли, при каком храме воспитывались?

– При барачной церкви во Франкфурте. Один умелец при помощи топора соорудил из каких-то старых частей барачков трапезную, центральный храм, восьмиугольный барабан, и – наверху – купол с крестом. Прекрасная была церковь! Церковь Воскресения Христова, покрашенная в белый цвет, с зелеными крышей и куполом. Сначала меня родители брали с собой, там я и рос. В храме были бабушки, которые нам говорили, когда можно сесть на приступочку около канона, где поминают усопших. Сидя на этой приступочке, я поглядывал по сторонам. Помню, там сзади, у подножия распятия, был череп, который меня очень занимал. Мне было где-то 3–4 года. Клубы фимиама, которые восходят в косых лучах солнца, как это описывает Достоевский, я помню с детства. Такая красота!

С мальчишками мы играли во время служб. Мы выбегали на улицу, а потом Алексей Алексеевич выходил и говорил: «Мальчишки! Сейчас «Верую»! Заходите в храм»! Мне это время, проведенное на улице, казалось достаточно длинным. Сейчас я понимаю, что мы выбегали, практически, только на ектенью, потому что от начала «Верую» и до конца евхаристического канона и «Достойно есть» мы стояли в храме, потом на ектенью мы опять выбегали, а потом, на «Отче наш», нас опять зазывали внутрь. И мы стояли четко. До причастия. А когда наш священник проповедовал, мы опять «законно» гоняли «окрест да около». Зато какое у нас было общение!

Из этого собственного опыта я сделал вывод, что детям не обязательно стоять всю службу смирно, можно и побегать вокруг храма, лишь бы не кричали слишком громко. Но надо уметь и собранно стоять в главные моменты богослужения. И дети должны знать, что это важно.

Незабвенной в памяти останется литургия на лугу у леса. Как и сейчас у скаутов бывают литургии в лагерях. Престол и прочее строили старшие скауты. Мне было лет 11 или 12. В начале литургии пришла мысль: всю службу простоять, не двигаясь. Это тоже был очень полезный для меня опыт.

Затем я ездил в нашу деревянную церковь самостоятельно, на велосипеде. А в середине 1960-х годов во Франкфурте построили каменный храм святителя Николая в псковском стиле. В старом храме у нас звонили всего лишь в один колокол. Меня как мальчишку, конечно, изумляло, как староста дергал за веревку. А новый храм уже строили со звонницей. Колокола закупили в Мехелене, в Бельгии, по-французски город называется Малин – отсюда пошло выражение «малиновый звон». Совсем недавно этот храм был сильно расширен – паствы стало за последние годы гораздо больше.

– Но расскажите теперь, пожалуйста, и о промежуточном периоде жизни эмиграции в Германии.

– Так называемую третью эмиграцию с точки зрения церковной, равно как и «полуторную» эмиграцию, можно не считать настоящим этапом. Тогда у нас появились единицы прихожан. В основном, это было диссидентская эмиграция и еврейская. По сравнению с сегодняшним днем тогда ощутимого пополнения не было. Но все же, при нашем уже не столь большом числе, это сказывалось. Появились не только отдельные лица, но и семьи. Та церковная жизнь, которой мы жили, имела в основании нечто семейное. Вот, например, семья Эрастовых – мать и несколько человек детей, в основном девочек. Они пополнили Лесненский монастырь во Франции. Сын Андрей ныне монах-иконописец в Джорданвилле, мать тоже монахиня. Кроме того, появились некоторые яркие личности. В том числе, известная теперь в России своими книгами Юлия Вознесенская, которая приехала тогда, в начале 1980-х годов, в связи с диссидентской ленинградской группой «Мария».

Здесь был уже своеобразный религиозный фон – Татьяна Горичева, Татьяна Беляева... Последняя активно включилась в нашу мюнхенскую церковную жизнь. А один из ее сыновей сейчас послушник в мюнхенском монастыре подобного Иова Почаевского. Михаил Назаров несколько раньше у нас появился, он был беженец. Ходил в церковь во Франкфурте и в Висбадене, там крестил своих детей. Приезжали Солженицын, Максимов, Галич... Еще появились те, которых мы поначалу называли «советские жены», то есть жены немцев-специалистов, работавших в СССР. В каком-то проценте и они влились в наши приходы, стали уже просто прихожанками, а иногда и опорой того или иного прихода. Все это было поддержкой и очень интересным новым опытом в зарубежье. Но это не было массовым явлением.

Настоящая большая новая волна, не столько эмиграции, сколько иммиграции, накатила в Германию с начала 1990-х годов.

Это «русские немцы» (смешанные семьи), а к ним присоединялся так называемый «контингент» – новая волна евреев, покидавших Россию.

– Вы сказали, что евреи выезжали и раньше...

– Да, но они, по идее, направлялись через Австрию из СССР в Израиль. Однако потом уклонялись: кто в Германию, кто в США, а кое-кто устраивался даже на американской радиостанции в Германии, был и такой вариант.

А в 1990-х годах стала складываться иная картина эмиграции. Сама Германия объявила программу, смысл которой – восстановить еврейство в Германии, поднять их численность до уровня, предшествовавшего захвату власти нацистами. Это политическое решение, отчасти опиравшееся на информацию о якобы растущем антисемитизме в бывших республиках СССР. Германия создает условия, чтобы евреи имели возможность приезжать. И финансовые ресурсы отпущены, чтобы они в Германии могли жить и развиваться.

Но получилось интересно, потому что приехавшие оказались не совсем такими, как предполагалось: эти вполне советские люди, с немецким еврейством 20–30-х годов не сравнимы ни по каким параметрам. Они живут, естественно, совершенно иными представлениями, иной жизнью, а некоторые и ведут себя весьма своеобразно. Германоеврейские старожилы начали жаловаться, что, во-первых, приехавшие вообще не интересуются синагогой, а, с другой стороны, они, если и заинтересуются, то входят туда и блюдут свои интересы так четко, что или вся синагога захватывается ими, или происходит раскол.

Но это в синагоге. Что же касается Церкви, то многие выехавшие евреи состоят в смешанных браках или же сами принимают крещение. Иногда приезжают принявшие крещение до выезда. Это объясняется по-разному. Есть и чисто религиозные причины, приводящие этих людей в Церковь. Бывает, что в храм приводит человека какое-то чувство культурной причастности к русскому духу. Они интеллектуалы, в Церковь приходят редко.

Есть и еще один момент. Национальная принадлежность к еврейству подтверждается раввином. Если не ошибаюсь, даже дважды – и там, и здесь. Более того, когда стало выясняться, что пополнение синагог хромает, кое-где (к счастью, не везде) в бланках появился вопрос о том, не исповедует ли человек «иную религию». Таким образом, православный еврей поставлен перед вопросом: лгать или нет, отречься ли от Православия? А ведь уже вся семья тянет на выезд, куда денешься? Было два случая, когда чистокровным евреям, но, при этом, православным священникам, отказывали в визе, а жену и детей – пожалуйста, принимали!

Здесь возникает существенный вопрос, о котором мне приходилось беседовать с государственными чиновниками. Дискриминация ли это, и по какому признаку – религиозному или же национальному? Ответа у немцев на это нет. А проблема серьезная. Но как бы то ни было, те, кто приеха-

ли, присматриваются и иногда находят, что их русскость перевешивает. Потом делают соответствующие выводы. Еврейская община в Германии, конечно, не благоволит этим выводам, но мы не признаем дискриминации – ни религиозной, ни национальной, – и поэтому не только православные родственники, но и сами выехавшие евреи приходят в наши храмы. В целом же это явление с точки зрения церковной немногочисленное. Гораздо больше сказывается это в современной русскоязычной среде в Германии на культурном уровне: появляются русско-еврейские издания, русско-еврейские детские сады и школы.

Сюда тянутся и оказавшиеся в Германии по разным причинам люди из бывшего Советского Союза, независимо от их национальной принадлежности, не имеющие русских духовных корней, отчужденные от русской духовной почвы. Такова наша современность. Мне кажется, что в современном российском обществе есть немало таких людей, а это сказывается и на эмиграции.

Кроме людей, воспользовавшихся открытием границ, большое число наших новых прихожан составляют «русские немцы». Это люди, которые при других обстоятельствах остались или вернулись бы в Россию. Но, к сожалению, там для них места в последние полтора десятка лет не оказалось. Этим семьям открылась возможность уехать в Германию из Казахстана, Киргизии, Таджикистана и других мест. Достаточно часто они не были церковными в России, даже если и были крещены. Немало приехало в Германию тех, кто был крещен в русском храме только за неимением храмов католических или евангелических. Есть люди, которые не только крестились, но и венчались в русском храме, а потом, приехав в Мюнхен или Гамбург, заявляют жене и детям: «Тогда и там было так, по необходимости, а теперь будет наоборот! Будешь ходить со мной в мою церковь, здешнюю», это значит в костел, или кирку, или на баптистские собрания.

Для настоящих православных людей это оборачивается трагедией, но, как сказано, очень многие сами подобно мыслят и спокойно следуют этим путем. «Переехали, так тому и быть!» Я внимательно наблюдаю, чем выехавшие люди в своей основной массе живут и дышат. Это простые «советские люди» (не в отрицательном смысле). Они давно лишены корней. Они, пусть и русские, но без своей истории. Русскость у них рудиментарна. И вот они ищут свой путь в новой, необычной ситуации.

Что они, духовно беспочвенные, делают в Германии со своей верой? Крещеные, может быть, даже венчанные... Им какие-то родственники или еще кто-то подсказывает: «Вы понимаете, там все католики». Или наоборот: «Все евангелики». Вот они мне потом и говорят: «Мы записались в евангелики». – «Почему?» – «Нам сказали, что в Баварии все евангелики». Кто сказал? Ведь это дико! Бавария – самая католическая из всех немецких земель.

А вот другой, еще более любопытный (и не единственный) случай. «Нас спросили, какой мы веры, а мы не знали, как ответить, но мы в Евангелие верим, вот мы и написали: евангелики. Нам предложили только два варианта».

Есть анекдотические случаи. Русская Церковь – это «R» – «Russisch», «K» – «Kirche», в результате – «RK». Немец-чиновник, записывающий семью, спрашивает: «Какой вы веры?» Они говорят: «Russische Kirche», дескать, к Русской Церкви мы принадлежим. Вот он и пишет в графу вероисповедания: «RK». Но в Германии действует конкордат и существует церковный налог, согласно которому 9 % из снимаемых налогов отчисляются государством той религиозной организации, к которой налогоплательщик причислен. Только у традиционных немецких Церквей – Католической и Евангелических – есть такая договоренность с государством. Правда, нам, православным, предлагали когда-то то же самое, но православные – греки, русские, сербы и другие – не захотели.

Все они сочли, что взносы должны быть добровольными. Что получается? Эти несчастные люди приехали в чужую страну, ничего не знают, не разобрались, даже свидетельствуют о своем Православии, а все же получается «РК», и государство годами отправляет деньги честных православных налогоплательщиков на католические счета в Германии. Мы по этому вопросу даже информационный листок издали. Я всем «православно крещеным» советую подтвердить свое Православие исповедью и причастием. Затем новые прихожане на основании бумаг, полученных от наших приходов, в мэрии переписываются на православных.

Но формальное возвращение ради галочки перед словом «православный» не то, что требуется, надо возвращать настоящее Православие.

И это трудно дается. Данные случаи, конечно, не позорное отречение от веры. Люди просто ничего не знают, и поэтому у них невольно так получается.

Но к отречению дело приближается там, где общий дух таков, настрой такой: приехали в чужую страну – надо приспособливаться.

Приспособленчество – оно меня ужасает. И оно, вполне естественно, развращает молодежь, не имеющую корней.

Потом родители хватаются за голову: что молодежь делает?! Так что у нас большие проблемы с молодежью.

*С отцом Николаем Артемовым
беседовал иеродиакон Игнатий (Шестаков)*

